Висел на левую бедру . . .
. . . . . .
Сафиросветлыми очами,
Как в гневе иль в жару блеснув. . .» и т. д.

Начальные строфы оды так же торжественны и содержат необычайно яркие зрительные образы:

«На темноголубом эфире
Златая плавала луна,
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала,
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем. . .»

В этой торжественной картине река превратилась в божество, из урны которого струится вода:

«Нева из урны чуть мелькала. . .»

Комнаты царскосельского дворца превратились в сказочные обиталища:

«Из теремов своих янтарных
И сребророзовых светлиц. . .»

Явлению Фелицы, т. е. описанию портрета работы Левицкого предшествует живописное вступление:

«Ярчее молний пролилось
Сиянье вкруг меня небесно,
Сокрылась, побледнев, луна. . .»

Последние строфы оды (строки 145—185) почти не содержат в себе живописных образов и звучат в несколько иной, сниженной интонации. Державин долго не мог закончить эту оду (1783—1789). Возможно, что последние строфы оды были написаны позже, когда живописное впечатление от портрета утратило свою яркость в памяти поэта.

* * *

Державин непрерывно учился «смотреть» и подбирать точные слова для своих зрительных впечатлений. Он открыл поэтам глаза на русскую природу. Дмитриев писал о нем: «Часто заставал я его, стоявшим неподвижно против окон и устремившим глаза свои к небу „Что вы задумались?“ — однажды спросил я. „Любуюсь